

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

СТАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Стальная память

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сухов Е.

Стальная память / Е. Сухов — «Эксмо», 2022 — (Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив)

ISBN 978-5-04-175014-5

Объявившаяся после войны в одном из городов Поволжья банда поразила население своей жестокостью. Преступники не только грабили и убивали мирных граждан, они оставляли после каждого «дела» «фирменный знак» — выкалывали жертвам глаза. Специально созданная оперативная группа майора Виталия Щелкунова, охотившаяся за извергами, считала эту выходку самоуверенной наглостью отморозков. И только один участник банды вкладывал в эту расправу всю свою ненависть к Советской власти, копившуюся у него долгие годы... Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории — в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета. Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-175014-5

© Сухов Е., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгений Сухов

Стальная память

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Сухов Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2022

Глава 1

Убийство в День Победы

За стенкой неожиданно и громко зазвучал расстроенный баян, а затем мужской голос с хрипотцой запел:

Раскинулось море широко,
и волны бушуют вдали.
Товарищ, мы едем далеко,
подальше от нашей земли...

В тишине раннего утра зазвучавшие из комнаты номер одиннадцать звуки были настолько громкими, что наверняка их услышал весь барак. В военное время музыка в бараке, конечно же, иногда звучала. Но было это вечерами, после изнурительной тяжелой работы. Порой по праздникам и в редкие выходные. Но чтобы вот так, нежданно-негаданно, с самого утра...

– Опять сосед нажрался спозаранку. Где этот гад только водку берет? – недовольно буркнул спросонья Назар Степанович и несколько раз ударил по дощатой перегородке кулаком.

В ответ на раздраженный стук сосед еще сильнее растянул меха инструмента:

Товарищ, я вахты не в силах стоять, —
сказал кочегар кочегару, —
огни в моих топках совсем не горят,
в котлах не сдержать мне уж пару...

Недовольно кряхтя, – а кому понравится, когда тебя будят ни свет ни заря, – Назар Степанович поднялся с постели, сунул босые стопы в калоши и, как был в трусах и майке, вышел из комнаты в барачный коридор, заставленный утварью. Его худые ноги мелко подрагивали.

– Ты куда, деда? – услышал он за спиной голос внучки.

Оборачиваться старик не стал:

– Спи давай! Я мигом.

Сделав несколько шагов, Назар Степанович ткнул ладонью соседскую дверь, и та легко открылась.

– Васька, ты что там, очумел, что ли, совсем? Время-то всего четверть пятого! Люди вымотались, отдохнуть хотят! – возмущенно выговорил Назар Степанович и шагнул в комнату.

Сосед Васька Гудков, годов тридцати, в затертом тельнике и форменной рубахе с медалью Ушакова на груди, сидел на кровати, держа на коленях баян, и что есть мочи пел:

На палубу вышел, сознания уж нет,
в глазах его все помутилось,
увидел на миг ослепительный свет,
упал – сердце больше не билось...

Посередь выпуклого лба и на шее просвечивали вздувшиеся синие вены. Ног ниже колен не было...

– Ну ты чего, Василий, – уже мягче произнес Назар Степанович. – Спят же еще все.

– А нехрен спать, – скороговоркой буркнул Василий Гудков. – Потому как победа, старик!

После этих слов безногий матрос снова растянул меха баяна и запел, напрягая взбухшие на шее жилы:

К ногам привязали ему колосник
и койкою труп обернули,
пришел корабельный священник-старик,
и слезы у многих блеснули...

– Ты почему знаешь? – едва не задохнулся Назар Степанович от услышанного. Победа была давно ожидаема, советские войска успешно били немцев под Берлином, но все равно известие для старика было сродни удару обухом по голове. Вроде жив и даже здоров, а в башке вдруг началась круговерть, какая-то сумятица и полная неразбериха. Старенькие ножонки подкашивались: ступишь пару шагов, да и рухнешь наземь.

– Да все говорят, – уверенно глянул на старика безногий матрос, и глаза его блеснули. – Будешь, старик? – указал он на чекушку с водкой.

Не дожидаясь согласия соседа, Василий одним движением сдернул сургучную пробку с «белоголовки» и налил Назару Степановичу половину граненого стакана.

– Ну, давай, сосед, за победу!

Не дожидаясь, пока сосед освободит стакан, Василий Гудков выпил остатки водки из горла. Затем шумно вздохнул и затыкнул:

Напрасно старушка ждет сына домой,
ей скажут – она зарыдает.
А волны бегут от винта за кормой,
и след их вдали пропадает.

А барак уже загудел растревоженным ульем. Беспреданно справа и слева хлопали входные двери – люди выходили на улицу, обнимались, пели песни, многие плакали. Затем потянулись в парк, заложенный в поселке имени Серго Орджоникидзе – микрорайоне в северной части города Средневолжска – еще до войны.

Отправились в парк и Назар Степанович с внучкой Ольенькой, благо, что идти было недалеко – только перейти улицу Сталинградскую и пройти через высокие кирпичные трехарочные парковые ворота, металлические створки которых, закрываемые на ночь, были уже настезь открыты. Затем по неширокой аллее из тоненьких липок и кустов акации дед с внучкой пошли по направлению к стадиону.

Метрах в двадцати от входа на стадион на высоком столбе висело два четырехугольных репродуктора, направленных в разные стороны. Возле них люди останавливались и задирали вверх головы в надежде услышать подтверждение долгожданного известия. Но до шести часов репродуктор молчал. Ровно в шесть утра раздался гимн Советского Союза, а затем голос Левитана произнес ожидаемую уже десятками людей весть:

Восьмого мая тысяча девятьсот сорок пятого года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена!

Грянул бессмертный марш «Прощание славянки», и люди у репродукторов недружно закричали: «Ура-а». Мужских голосов прозвучало мало, разве что старческие и мальчишеские. Прокричал «Ура» и Назар Степанович, и по его худым щекам потекли крупные слезы.

Затем из репродукторов уже местный диктор объявил, что среда девятого мая одна тысяча девятьсот сорок пятого года в честь Великой Победы объявляется нерабочим днем.

А люди все прибывали и прибывали. Из поселков Караваево и Северный пришли бабы, старики, дети и работники авиационного завода номер двадцать два имени Горбунова и моторного завода номер шестнадцать. Было их более сотни. Когда взошло солнце, начали приходить жители поселка Урицкого, слободы Восстания и жители более отдаленных микрорайонов. Стадион почти полностью заполнился людьми, радостно поздравлявшими друг друга с Победой. Возникали стихийные митинги, фронтовиков качали на руках, пелись еще довоенные песни. Незнакомые друг с другом люди обнимались, смеялись и плакали. Конец войне! Все, победа!

Оленька одна из первых очутилась у лотка с мороженым и получила от продавщицы вкусный пломбир, зажатый между двумя вафельными кружочками. Но дело было даже не во вкусе. А в том, что мороженое не продавалось, а раздавалось всем желающим бесплатно. Так же бесплатно раздавалось и пиво из бочки, привезенной караковым¹ владимирским тяжеловозом² уже в девятом часу утра. Весело светило солнце... Сегодня оно было необычайно ярким, словно тоже радовалось наступившему празднику, усиливая его значимость и масштаб.

Почти бесшумно над парком пролетел самолет со звездами на крыльях, и на землю густо посыпались листовки с портретом Сталина в маршальском мундире и сообщениями о Победе.

К обеду ликование народа достигло апогея. В разных местах парка заиграли гармошки, люди пели, пили, плясали. Немногочисленные мужчины были уже порядком нетрезвы, но снующие в толпе милиционеры никого не забирали: не тот был день, чтобы портить людям настроение, да и приказа такового не имелось. Напротив, начальство районных и городских отделений милиции приказало быть крайне лояльными к гражданам, а шибко пьяных, если таковые появятся, аккуратно сопровождать до дому, проявляя вежливость.

Невесть откуда появился духовой оркестр, который заиграл «Случайный вальс» Марка Фрадкина.

– Хоть я с вами совсем незнако-ом и далеко отсюда мой до-ом... – голосисто запела Оленька.

Ей было почти тринадцать, и она понимала, что сегодняшней день – особенный. Жаль, что до него не дожидала мама. И, конечно, отец, погибший еще в сорок первом под Москвой. Когда пришла на него похоронка, мама упала в обморок. Состояние ее было столь тяжелым, что ей вызвали даже санитарную автомашину, которая отвезла ее в один из городских госпиталей. Выйдя из него через неделю, мама прожила всего-то два месяца: резко и заметно стала худеть, почти ничего не ела, целыми днями сидела, уставившись в одну точку, а потом слегла совсем и тихо умерла. Видимо, не смогла перенести потерю мужа. И Оленька стала жить с дедом, отцом отца. В произошедшей трагедии был виноват Адольф Гитлер – немец с косою челкой и с мерзкими квадратными усиками под носом. Это он отнял у нее родителей. А еще Гитлер уничтожил миллионы других людей. Было жалко и себя: ведь у других детей хотя бы были матери, а у нее, кроме престарелого деда, более никого не оставалось... Поначалу горе было глубоким, но потом пережить произошедшее помог заботливый дед. А затем боль как-то притупилась. Ведь не только у нее одной убили папу. Отца потерял каждый второй школьник из ее класса, у некоторых также поумирали и родные: кто-то от недоедания, а кто от переутомления на работе, им на протяжении долгих месяцев удавалось поспать всего три-четыре часа

---

¹ Караковый – темно-гнедой с подпалинами.

² Владимирский тяжеловоз – порода тяжелоупряжных лошадей, выведенная в Советском Союзе в первой половине тридцатых годов на конезаводах Владимирской области.

в сутки. А некоторые из детей вообще лишились всех своих родных и попали в интернат, как это случилось с Борькой Кудрявцевым. Так что горе было всеобщим. А когда оно одно на всех, то личная беда не столь болезненна...

А в парк и на стадион прибыло столько народу, сколько Оленьке никогда еще не приходилось встречать в своей жизни, даже во время первомайских демонстраций, проходивших до войны. Правда, количество людей немного поубавилось, когда после обеда солнце зашло за белесые облака и налетел колючий холодный ветер. Оленьке тоже стало холодно в одном платышке и легкой кофточке, однако уходить с праздника не хотелось. Уж целых четыре года не было так весело!

– Небось замерзла? – заботливо поинтересовался дед, который успел где-то махнуть водочки и был явно навеселе. Таким Оленька его давно не видела. – Может, домой пойдем?

– Давай еще побудем, а, деда? – Оленьке очень не хотелось, чтобы праздник завершился.

– Тогда давай сбегай домой и оденься потеплее, – наказал Назар Степанович и добавил: – И мне ватник заодно прихвати.

Девочка кивнула и со всех ног побежала домой. Навстречу ей попадались радостные люди, которые расступались, предоставляя бегущей девочке дорогу. Уже выбегая из парка, Оля краем глаза увидела Валерку Вязникова, на котором было зимнее пальто.

«Ишь ты, оделся как... Вот ему небось не холодно», – подумалось Оленьке.

Валерка был из параллельного класса и очень ей нравился. Если бы он учился в их классе, то Оленька непременно перекинулась бы с ним парой словечек по поводу такого неожиданного, но столь желанного праздника. А так она пробежала мимо него, даже не кивнув. А что, пусть здороваается первым, ведь она девочка.

Оленька, как обычно, с трудом отворила дверь барака – стальные пружины на двери были очень мощные – и вбежала в свою комнату. Поначалу она даже не заметила молодого мужчину, копошащегося в сундуке, стоящем в дальнем углу около окна. Схватив с вешалки свое пальтишко и дедов ватник, она уже было хотела выбежать из комнаты, как вдруг ее взгляд остановился на мужике в телогрейке и шибко поношенном картузе.

– А вы... кто?

– Да я... это... – произнес мужик и неожиданно замолчал, очевидно не зная, что сказать дальше.

Взгляд Оленьки упал на большую хозяйственную сумку, стоявшую возле ног незнакомца, из которой выглядывали полы отцовского пиджака. Так это же... вор! Девочка гневно посмотрела на мужчину и открыла рот, чтобы закричать и позвать на помощь, но незнакомый мужчина в телогрейке коршуном кинулся на Оленьку и успел зажать ей ладонью рот. А затем повернул ее к себе спиной, слегка наклонил назад и точным и резким движением всадил ей в сердце нож. Через пару секунд убийца отпустил безвольное худенькое детское тельце, и Оленька рухнула на пол.

Душегубец в телогрейке постоял некоторое время в комнате, чутко прислушиваясь к радостным крикам, раздававшимся в конце барака, и вернулся к сундуку. Быстро выхватил из него темно-синий цветастый бабий платок, сунул его в хозяйственную сумку, запихнул поплотнее и поспешил к двери, перешагнув через труп девочки, как будто это было не человеческое тело, а каша из талого снега или груда побитых кирпичей. Выглянув в коридор и никого не обнаружив, мужчина быстро покинул комнату и через несколько секунд уже выходил из барака, держа путь в сторону поселка Северный.

Когда невдалеке от него показался конный милицейский патруль, мужчина невольно замедлил шаг и хотел поначалу свернуть в сторону и затеряться в глубинах проходных дворов, но потом решил этого не делать, зашагал с прежней скоростью по намеченному пути, боевито приподняв подбородок. Один из милиционеров конного патруля внимательным взглядом смерил проходившего мимо него прохожего. Ничего подозрительного: обыкновенный мужик сред-

них лет с большой невзрачной хозяйственной сумкой в руках. Вероятно, потопал к ближайшему базару, чтобы обменять собранное барахло и кое-какую одежку на продукты. Время-то нынче непростое, надо как-то выживать. Таких, как он, в городе каждый второй. Все что-нибудь меняют. Вернулись к натуральному обмену, как в доисторические времена...

Милиционер потерял к прохожему интерес и отвел от мужика взгляд: патруль держал путь в парк имени Серго Орджоникидзе, там было большое скопление народа, а где много народу, там обязательно случаются различного рода правонарушения – напьются или подерутся. К тому же начальство распорядилось быть предельно вежливыми и соблюдать принципы социалистической законности. То есть служить на благо советских граждан.

Глава 2

Два ограбления на улице Баумана

Три часа утра не самое лучшее время для пробуждения, но куда деваться, если колотят в твою дверь чем ни попадя. Обычно Зинаида Степановна вставала в половине шестого, даже в шесть. А сейчас пришлось подниматься в три, искать завалившиеся под кроватью стоптанные тапочки и, чертыхаясь про себя, идти открывать входную дверь, думая о том, кого это принесло в такую несусветную рань!

Зинаида Степановна подошла к порогу, за которым слышались громкие веселые голоса, никак не вязавшиеся ни с нынешней военной порой, ни с ранним утром.

– Кто там? – спросила она.

За дверью послышался веселый задорный смех, и голос соседки произнес:

– Вставай, Зина. Победа!

– Не может быть! – воскликнула Зинаида Степановна, хотя, конечно же, весть, что принесла соседка, была вполне ожидаемой.

– Может, Зина, может! Просыпайся, наконец!

– Сейчас, сейчас, – суетливыми дрожащими руками Зинаида Степановна отомкнула самостоятельно защелкивающийся английский замок – вещь в городских домах не частая, но только не в бывшем купеческом доме на улице Баумана, где проживали люди, имевшие в городе какое-то положение и достаток, – и широко открытыми глазами воззрилась на соседку: – Это правда?

– Да правда, правда, – заверила Зинаиду Степановну соседка. – По радио только что передали. Вот радость-то какая!

Еще через четверть часа гудел уже весь дом. Люди запросто заходили друг другу в квартиры, поздравляли с победой, плакали, смеялись.

Как только рассвело, все высыпали на улицу, где уже было полно народу. В одно из раскрытых окон недалеко от Дома печати кто-то выставил патефон и завел пластинку с джаз-оркестром Утесова. И начались танцы! Мужчин, конечно, было немного, так что женщины и девушки танцевали друг с другом.

Когда взошло солнце, из Дома печати раздалось сообщение Левитана о победе, а затем звуки патефона, крутящего одну за другой пластинки с танго и фокстротами, заглушили бра-вурные аккорды духового оркестра. И гуляние продолжилось. В танцах кружилась уже вся улица: танцевали старики и старушки; невообразимые па выделявали вездесущие ребятишки.

Чуть ли не касаясь крыш домов, пролетел самолет, сбросив тучу листовок с сообщениями о победе. Бумага не успевала опуститься на землю: ее на лету с радостными криками расхватывали высыпавшие на улицу люди и зачитывали друг другу сообщение, хотя помнили его чуть ли не наизусть.

Ближе к обеду зазвучал цирковой марш. Взоры собравшихся устремились к началу улицы, где появились цирковые артисты в ярких нарядах. Вначале, разрезая толпу пополам, браво вышагивали жонглеры с булавами и кольцами. Пара гимнастов в обтягивающем трико почти непрерывно и неустанно исполняла сальто вперед. Здоровенный мужик в полосатом трико и с усами, закрученными кольцами, ехал на открытой повозке, которую тянула холеная лошадь. Мужик высоко подбрасывал и ловил гири, будто это были не пудовики, а надувные мячи с ручками. А за повозкой величаво вышагивала гора, слегка покачиваясь, будто бы на волнах. Когда гора приблизилась, то оказалось, что это был огромный белый слон, на спине которого восседал мужчина в наряде клоуна с большим воротником-жабо и приветливо кланялся направо и налево. Это был заслуженный артист РСФСР Юрий Владимирович Дуров, цирковой

артист, клоун, продолжатель династии цирковых дрессировщиков Дуровых. Его труппа, выступающая со зверями, давала с конца апреля представления в средневожском здании деревянного цирка на Банном озере, и многие горожане уже успели посмотреть эти представления.

В этот день бесплатно работали оба кинотеатра на Баумана, центральной улице города, – «Электра» и «Родина». Показывали «Боевой киносборник № 12» и «Чкалов». А один из кондитерских магазинов недалеко от здания Госбанка, закрытый все четыре военных года, вдруг неожиданно распахнул тяжелые дубовые двери и стал торговать не какими-то там карамелями, а самыми настоящими шоколадными конфетами!

Под вечер солнце скрылось за тучами и как-то сразу заметно похолодало; дунул северный ветер, тотчас застудив собравшихся. Зинаида Степановна и ее соседка вернулись домой, чтобы надеть что-нибудь теплое. Недолго думая, соседка взяла с вешалки зимнее каракулевое пальто, купленное еще до войны, а Зинаида Степановна прошла в комнату к комоду, где висела теплая вязаная кофточка, и тут увидела, что ящики комода открыты и почти опустошены.

– Да что же это такое! – невольно ахнула женщина.

С замиранием сердца Зинаида Степановна бросилась к полуоткрытому верхнему ящику комода, в котором лежала деревянная шкатулка.

– Уф-ф, – выдохнула она, увидев, что шкатулка находится на месте. Но когда она открыла резную крышку, то едва устояла на ногах: шкатулка была пуста. В ней лежали золотые сережки, подарок матери, которые Зинаида Степановна сберегла даже в голодный сорок четвертый год, не поменяв их на картошку и хлеб, а еще деньги – семьсот восемьдесят рублей. Но главное – были украдены ежедневные хлебные карточки и месячные карточки на крупы, рыбу, макароны, сахар и прочие продукты. Хотя сережки тоже было очень жалко – едва ли не единственное, что осталось у нее от матери. Все было ясно: кто-то в отсутствие Зинаиды Степановны вскрыл ее квартиру, забрал приглянувшиеся вещи и опустошил шкатулку с самым дорогим, что имелось в квартире. Все прочее, что могло представлять интерес для вора, давно было обменено на продукты, благополучно съеденные. И этот вор ни черта не разбирался в антиквариате, поскольку шкатулка в форме сундучка в верхнем ящике комода Зинаиды Степановны являлась вещицей отнюдь не простой. Шкатулка из дерева с декорированием бронзовыми накладками по углам и на крышке была изготовлена еще в начале девятнадцатого века. Причем шкатулка была английского производства и стоила, надо полагать, довольно приличные деньги. Но этого похититель (или похитители) не ведал.

Праздник был испорчен, нечего было думать о том, чтобы возвратиться в парк, где продолжалось народное гулянье. Похоже, что горожане будут праздновать всю ночь. По настоянию участливой соседки Зинаида Степановна немедленно заявила в милицию о пропаже продуктовых карточек, денег и золотых сережек. Немного подумав, поделилась своими сомнениями о том, что квартирные воры вряд ли разбирались в антикварных вещах, иначе в первую очередь они забрали бы редкую шкатулку.

Приняв заявление, дежурный пообещал отправить в течение часа по адресу проживания Зинаиды Степановны оперуполномоченных, попросив ее никуда не уходить в это время из квартиры.

Минут через сорок к ней домой пришли два милиционера. Старший из них был мужчина средних лет сумрачного вида, одетый в штатское, он все время задавал разные вопросы, записывая их на листке бумаги из полевой сумки-планшетки. Второй, помоложе, в форме старшего сержанта, – ходил по соседям и выспрашивал: не видел ли кто незнакомого мужчину или мужчин, заходящих в подъезд или выходящих из него с сумками или котомками. Однако никто из соседей ничего определенного сказать не мог. Да и соседей-то в доме было немного: раз-два и обчелся! Все высыпали на улицу праздновать Победу.

Утрата продовольственных карточек была, конечно, большой бедой. Ведь новых никто не выдаст, просить бесполезно, а месяц только начался. Однако война закончилась, жить станет

легче, а значит, как-нибудь можно будет перебиться. На крайний случай английскую шкатулку можно продать или оставшиеся теплые вещички, что воры не унесли, поменять на базаре на продукты. Скоро ведь лето. А к зиме, глядишь, что-нибудь изменится к лучшему... К тому же очень значительно должна поменяться политика государства. Если раньше все было для фронта, для победы, то сейчас все для мирной жизни.

Ничего. Первый раз, что ли? Бог не выдаст, свинья не съест...

Все же Зинаида Степановна, глянув на строгого милиционера в штатском, улучила момент и робко поинтересовалась:

– А вы мне можете сказать, есть ли надежда найти мои карточки и сережки? Деньги уж ладно, бог с ними... И большую сумму приходилось терять.

Оперативный сотрудник с угрюмым видом выдержал взгляд женщины, полный надежды, и ничего не ответил...

* * *

Прокопий Иванович давно припас до подходящего случая еще довоенную бутылочку «Водки столовой» крепостью аж пятьдесят градусов! До войны она стоила сущие гроши, и на его зарплату можно было купить хоть пятьдесят бутылок водки. Да еще и на хорошую закуску денег осталось бы!

С началом войны он вовсе позабыл об этой бутылке (как-то не до нее было), и она простояла в заначке в шкафу, прикрытая картоном, до сорок четвертого голодного года, когда пришлось делать ревизию всему, что имеется в квартире, дабы выбрать что-нибудь для обмена на хлеб или какие-нибудь крупы. А натолкнувшись на забытую бутылку, Прокопий Иванович пить водку не стал, лишь сказал в задумчивости жене:

– Пусть стоит до победы. Когда настанет день победы, тогда ее и выпьем.

И ведь простояла же! Вот какой силы воли был мужчина, который когда-то не прочь был выпить в хорошей компании и под хорошую закуску.

Ранним утром девятого мая Прокопий Иванович был разбужен едва ли не поминутно нарастающим шумом за окном. Поскольку жил он на первом этаже, то просто не мог не проснуться от топота ног, гомона, смеха, песен и громкого возбужденного говора десятков людей. Такое впечатление, что будто бы началась первомайская довоенная демонстрация.

А потом где-то недалеко заиграл патефон. Прокопий Иванович раздвинул на окнах шторы и увидел совсем близко от окна танцующую пару. Мужчина был без правой руки, а левой обнимал белокурую девушку за талию и плавно вел ее в вальсе.

– Что там такое, Проша? – услышал Прокопий Иванович голос жены, раздавшийся из спальни.

– Невероятно, но там... на улице танцуют, – повернулся на голос супруги Прокопий Иванович.

– Значит, все?

– Что – «все»? – не понял сначала вопрос жены Прокопий Иванович, остроюю ума не шибко отличающийся и отнюдь не способный схватывать все на лету.

– Как что? Конец войне. – Супруга подошла к окну и стала разглядывать танцующие пары.

– Конец? Да не может быть... – понял наконец причину народного гуляния за окном Прокопий Иванович и как-то засуетился. – Пойду, что ли, разузнаю точно, в чем там дело.

Одевшись по-праздничному – в нештукатуренный³ костюм, белую свежую рубашку, жаккардовый галстук-регат, обувшись в полуботинки со шнуровкой и натянув на голову непролетарский головной убор – шляпу, Прокопий Иванович вышел на улицу Баумана.

– С победой! – окликнула его незнакомая и, кажется, подвыпившая женщина, обдав изрядно подзабытым за время войны запахом духов.

– С победой, – машинально ответил он.

В это время над улицей совсем низко и громко гудя пролетел самолет, сбросивший ворох листовок. Одну из них не очень ловко поймал Прокопий Иванович. В правом углу был портрет Сталина в фуражке и маршальском мундире, а внизу посередине был напечатан текст:

ПРИКАЗ

Верховного Главнокомандующего

По войскам Красной армии

И Военно-Морскому флоту

8 мая 1945 года в Берлине представителями германского верховного командования подписан акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

Великая Отечественная война, которую вел советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершилась. Германия полностью разгромлена.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением Великой Отечественной войны.

В ознаменование полной победы над Германией, сегодня, 9 мая, в День Победы, в 22 часа столица нашей Родины Москва от имени Родины салюует доблестным войскам Красной армии, кораблям и частям Военно-Морского флота, одержавшим эту блестящую победу, тридцатью артиллерийскими залпами из тысячи орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Да здравствуют победоносные Красная армия и Военно-Морской флот!
Верховный Главнокомандующий
Маршал Советского Союза И. Сталин.

– Слава богу! – с облегчением произнес вслух Прокопий Иванович и непроизвольно оглянулся, не слышал ли кто.

Конечно, за столь невинную фразу – даже если бы он еще после нее и перекрестился – никто бы его не осудил. Не те нынче настали времена. Но все же не годится бывшему руководителю отдела пропаганды районного исполнительного комитета, а после выхода на заслуженный отдых лектору-пропагандисту антирелигиозных доктрин и воззрений обращаться к Богу и тем более славить его прилюдно. Не так, как надо, могут понять...

Прокопий Иванович еще раз опасливо осмотрелся и увидел неподалеку мужчину немногим младше себя. Он был крепкого телосложения, круглоголов, тоже в пиджаке и свежей рубашке, только на голове вместо шляпы была драповая кепка. Мужчина стоял и, улыбаясь, смотрел на него как на старого доброго знакомого. Кажется, улыбающийся мужчина в драповой кепке Прокопию Ивановичу тоже был знаком. Ну точно, они не раз виделись, когда работали на строительстве противотанкового оборонительного рубежа вокруг Средневожска, Синебо-

---

³ Нештукатуренный – без заплаток.

ровска и ближайших к ним районов зимой с сорок первого на сорок второй год. Оборонное полукольцо, состоящее из окопов, землянок, просто рвов, скрытых огневых точек, командно-наблюдательных пунктов и прочих военно-инженерных сооружений, делалось по приказу Верховного Главнокомандования на случай прорыва немцев к Средней Волге. У мужчин были кирки, у женщин и подростков – лопаты. Сколько на этих работах было людей, Прокопий Иванович не знал. Но, надо полагать, десятки и десятки тысяч. Поэтому-то Средневожский обвод – так называлось более чем трехсоттридцатикилометровое полукольцо оборонительных противотанковых сооружений – начал строиться осенью сорок первого, а к середине февраля сорок второго года был уже полностью завершен.

«Как же его фамилия?» – раздумывал какое-то время Прокопий Иванович, поглядывая на улыбающегося мужчину. Наконец вспомнил: Бабаев. Ну так оно и есть – Всеволод Леонидович Бабаев.

– Это вы? – спросил уже более или менее уверенно Прокопий Иванович.

– Я, – добродушно ответил мужчина и еще шире улыбнулся. – Узнали, Прокопий Иванович?

– Узна-ал, как не узнать, – протянул бывший служащий райисполкома и пожал протянутую руку. – С Победой вас!

– И вас с Победой! – горячо произнес Бабаев, и глаза его как-то истово блеснули. – С нашей замечательной Великой Победой.

Где-то за зданием Госбанка грянул духовой оркестр в унисон с музыкой, что звучала в душе.

– А знаете что? – посмотрел на Бабаева Прокопий Иванович и заговорщицки прищурил глаза.

– Что? – посмотрел, в свою очередь, на бывшего работника райисполкома Всеволод Леонидович.

– А пойдете-ка ко мне, – предложил Прокопий Иванович. – Отметим победу, которую и мы ковали здесь, в тылу. И нашу встречу отметим. У меня еще с незапамятных времен сохранилась бутылочка пятидесятиградусной «Водки столовой» Помните такую?

– Да как же не помнить, Прокопий Иванович? – изрек как само собой разумеющееся Бабаев. – Еще как помню!

– Так что, идемте? – повторил свое предложение Прокопий Иванович, ощущая душевный подъем и чувствуя себя значимой фигурой, внесшей значительный вклад в дело победы, а потому имеющей полное право отметить это событие с людьми посторонними, которые оценили бы его, Прокопия Ивановича, масштаб и значимость.

– А идемте! – согласился Бабаев, весело поглядывая на знакомца по копательным работам трехгодичной с лишком давности.

Так что вернулся Прокопий Иванович в свою квартиру не один, а с давним, можно сказать, приятелем. Супруга по-быстрому собрала кое-какую нехитрую закуску, Прокопий Иванович достал заветную бутылочку и демонстративно выставил на стол.

– Ну что, за победу? – поднял граненую рюмку Прокопий Иванович, когда разлил водку по рюмкам и встал из-за стола. – За победу, – повторился он, – которая далась нам с таким трудом. – Прокопий Иванович нахмурился и покачал головой, будто недавно самолично водил полки под смертельный огонь вражеских пулеметов.

Затем одним махом опрокинул рюмку водки и победоносно посмотрел на Бабаева и супругу. Те выпили молча, очевидно понимая важность момента и не смея его нарушать какими-либо словами. Впрочем, так можно было сказать про супругу Прокопия Ивановича, преисполненную благоговения перед настоящим моментом и перед собственным мужем. Что касается Бабаева, то лицо его оставалось непроницаемым. И то, что он тоже был преисполнен пониманием значения происходящего, с уверенностью сказать было нельзя.

– А теперь – за товарища Сталина, – налив по второй, произнес Прокопий Иванович. – Это его гений полководца привел наш народ к победе над гитлеровской Германией. Как вождь славной плеяды советских народов, как непримиримый враг фашизма, товарищ Сталин обусловил эту замечательную дату для всех жителей нашей страны...

Сказав еще несколько пафосных фраз, словно выступая на партсобрании, Прокопий Иванович опрокинул вторую рюмку, тем самым призывая последовать его примеру.

Бабаев, слушая эту тираду, слегка скривился, будто ему неприятно было все это выслушивать и даже находиться рядом с человеком, говорившим подобное. Чего, впрочем, ни Прокопий Иванович, ни его супруга, поглощенные значимостью момента, не заметили.

Когда выпили по третьей, Бабаев поднялся:

– Спасибо за угощение, хозяева. Вам, Прокопий Иванович, отдельное спасибо...

– Да не стоит, – вальяжно махнул рукой хозяин квартиры, преисполненный собственной важностью.

– Ну что вы, стоит. Стоит, – повторив уже с иной интонацией, продолжил гость. – Спасибо за то, что вот такие, как вы, лживые и лицемерные ничтожества, отняли у таких, как мы, все: честь, Отечество, Родину. И возомнили себя хозяевами жизни, которым можно, невзирая на отсутствие ума, образования и вообще природной обусловленности, считать себя людьми, достойными власти. А что бывает с теми, у кого все отняли? – посмотрел в упор на побелевшего Прокопия Ивановича Бабаев. – Правильно: им нечего терять. И таких уже ничего не удерживает от проступков, которые они никогда бы не совершили, не будь рядом таких тварей, как вы...

С этими словами Бабаев схватил топор, который заметил, как только вошел в комнату. Он стоял в углу рядом со сработавшей из железной бочки буржуйкой, с помощью которой хозяева согревались по зимам, когда случались частые перебои с отоплением. Прокопий Иванович, выслушав тираду гостя и увидев топор в его руках, открыл было рот, чтобы крикнуть и позвать на помощь, но не успел издать и звука: удар обухом топора лишил его сознания. А второй молниеносный и сильный удар, в который Бабаев вложил всю накопленную в нем ненависть, отнял у Прокопия Ивановича жизнь. Ненависть – это такая штука, что посильнее любви будет. И прочих сильных чувств.

Затем Бабаев с топором в руке уверенно двинулся к жене хозяина дома, которая от ужаса упала в столбняк, отчего не могла ни пошевелиться, ни закричать. Он убил старуху одним ударом, раскроив череп. Когда пожилая женщина рухнула на пол, Бабаев равнодушно переступил через тело и огляделся. Судя по всему, в квартире имелось чем поживиться. Очевидно, в годы войны хозяева не шибко бедствовали: в комодѣ нашлись два кольца со сверкальцами⁴, ожерелье из зерен⁵, рыжая⁶ печатка граммов на двадцать, опять же рыжая брошь с большим рубином посередине, а в шифоньере в середине стопки белья меж двумя наволочками лежали и бабки⁷ – целых семь косух⁸ ассигнациями. Все это Бабаев сгреб в карман и хотел было покинуть куреху⁹, как в дверь неожиданно постучали.

– Хозяева, а ну открывайте! – донеслись до Бабаева не очень трезвые голоса.

Стук в дверь продолжился:

– Открывайте, кому говорят! Чего вы там заперлись?

---

⁴ Сверкальцы – драгоценные камни (*жарг.*).

⁵ Зерна – жемчуг (*жарг.*).

⁶ Рыжая – (здесь) золотая (*жарг.*).

⁷ Бабки – деньги (*жарг.*).

⁸ Косуха – тысяча (*жарг.*).

⁹ Куреха – (здесь) квартира (*жарг.*).

Похоже, униматься незваные гости не хотели. Бабаев прошел на кухню, окна которой выходили во двор. Сдвинул в бок тюлевую занавеску, глянул в окно. Во дворе не было ни души. Бабаев отомкнул оконные шпингалеты, раскрыл окно и вылез на улицу. Затем быстро прошел вдоль дома и вышел через каменную арку между домами на улицу, едва не сбив с ног седоватого мужчину на костылях.

– Эй, товарищ, поаккуратнее, – беззлобно сделал замечание Бабаеву мужик на костылях. – На войне не убило, так чего же здесь помирать?

– Прошу меня извинить, – машинально ответил Всеволод Леонидович, неожиданно раскрыв тот факт, что некогда он был вполне воспитанным человеком.

– Да ла-адно, – примирительно протянул седоватый мужчина. – С победой тебя, товарищ! Всеволод Бабаев в ответ лишь едва кивнул и поспешил смешаться с ликующей толпой.

Глава 3

Мужчина в офицерском галифе

Назар Степанович, чтобы не затеряться в толпе, встал возле скульптуры женщины с веслом. По сравнению с ее мощным телосложением старик выглядел худым подростком, на котором еще неросло мясо. Впрочем, в парке он был не один такой худой старикан, которого можно было принять за подростка.

Похолодало не на шутку. Сильный порывистый ветер пробирал до костей, защищенных лишь старой обветшавшей кожей да худой перелатанной одежкой. А Оленька все не шла. Назар Степанович еще какое-то время постоял у гипсовой скульптуры, после чего пошел по направлению к бараку, надеясь встретить внучку по дороге. Хмель быстро выветрился. И теперь было просто зябко и отчего-то тягуче тоскливо. Как будто в мире он был один и до него никому не было дела. Назар Степанович почти дошел до барака, а Оленька все еще не повстречалась.

«Да где же ее черти-то носят?» – подумал про себя старик, открывая дверь в барак и всматриваясь в длинный неосвещенный коридор. Но коридор был пуст.

Назар Степанович подошел к двери своей комнаты и распахнул ее. Перешагнув порог, застыл в ужасе – на полу лежало бездыханное тело внучки. С первого взгляда было видно, что девочка неживая: она не дышала, лицо помертвело, отчего приобрело какие-то чуждые, несвойственные ей черты; под ее телом широко растеклась лужа крови, а полуоткрытые глаза смотрели куда-то в сторону. Назар Степанович немигающе взирал именно на кровь, разлившуюся на полу, – никогда бы не подумал, что в таком щуплом детском теле может быть так много крови. И от осознания этого сделалось особенно страшно.

Назар Степанович постоял так с полминуты, не меньше, пытаясь осознать случившееся. Но мозг не желал воспринимать произошедшее. В какой-то момент он просто хотел закричать от горя, но вдруг понял, что голос пропал, из горла раздавалось только сиплое шипение. Ноги вдруг ослабели, Назар Степанович бессильно оперся о стену и стал медленно сползать на пол, тонко, по-ребеночьи, подвывая.

– Ты что, сосед? – услышав вой старика, подъехал на своей каталке на подшипниках бывший морячок Вася Гудков, отталкиваясь от пола деревянными колодками, похожими на пресс-папье. – Чо воешь-то?

В ответ Назар Степанович молча указал на Оленьку, лежавшую на полу.

Морячок лихо переехал на своей тележке через высокий порог и приблизился к Оленьке. Объехал ее кругом и деловито изрек, как человек, повидавший на своем небольшом веку немало смертей:

– Нож. Прямиком в сердце. Ну хоть не мучилась. – Потом помолчал немного и уже вполне участливо добавил: – Это у кого ж на ребенка рука-то поднялась? Хуже фрицев!

Назар Степанович обхватил лицо ладонями, а потом нарочито сильно ударился затылком о стену и взвыл:

– Что же я наделал... Как же не подумал... Надо было мне с тобой пойти, Олюшка. А я, дурак старый, там остался. Как же это так, внученька моя...

– Ты, Назар, это... Не вой. Уже не исправить. Надо в милицию сообщить о случившемся. Чтоб они этого гада нашли и под расстрел подвели. Ты это, – безногий морячок глянул на старика и, кажется, впервые осознал, что кому-то может быть еще хуже, чем ему, – здесь пока побудь, а я метнусь в отделение. Одна нога тут, другая там, – попытался он по-флотски приободрить старика. Неуместно получилось, не до шуток сейчас, пусть даже если они касаются собственных ног, которые оставил в далеком сорок первом где-то на дне Балтийского

моря. И уже сочувственно, понимая, что совершил некоторый промах, добавил: – Тяжело тебе будет, понимаю... Но надо терпеть... Чтобы увидеть, как этих гадов к стенке поставят... Я скоренько...

Старик то ли кивнул, то ли сделал еще одну попытку удариться затылком о стену. Вася Гудков покачал головой и, громко шумя подшипниками, поехал по коридору. С трудом открыв тяжелую дверь, он покатил в сторону отделения милиции, в ведение которого входил поселок имени Орджоникидзе.

* * *

Дежурный сержант не сразу понял, чего от него хочет безногий матрос, к тому же не совсем трезвый.

– Послушай, браток, я тебя не понимаю, объясни ты мне толком. Что ты хочешь? – переспросил милиционер Василия после его бессвязной тирады.

– Уполномоченного мне сюда давай, – настаивал безногий моряк.

– Нет сейчас никого, – высунулся в окошко дежурки сержант, чтобы как следует разглядеть настырного посетителя, желающего увидеть кого-нибудь из оперуполномоченных.

– Тогда главного давай, – не унимался морячок, который явно собирался добиться своего.

– А чего ты хотел-то? – сдвинув брови, заорал на матроса сержант милиции, однако на голос и грозный вид Василия Гудкова было не взять. Глянув снизу вверх на сержанта, матрос разразился такой загогулистой матерной тирадой, что у сержанта непроизвольно приоткрылся рот. Вид у него и так был как у человека, не очень обремененного интеллектом, а с открытым ртом (если бы не форменное обмундирование) его вполне можно было принять за пациента из городской психушки. – Там девочку убили прямо дома, ножиком зарезали! А ты тут... – продолжилась загогулистая тирада.

– Так говорю же: нет сейчас никого, – уже иным тоном, в котором можно было уловить уважение, произнес дежурный сержант. – Все в городе. Непокойно сейчас.

– Да как так может быть, чтобы во всем отделении никого не было? – возмутился Вася Гудков.

– Говорю же тебе, кроме начальника, никого в отделении нет! Все на выезде, – начал уже оправдываться сержант, с которого после услышанного мата слетела вся «начальственная» шелуха, как штукатурка со старого фасада. Повидал морячок, ног на фронте лишился, но держится задорно, такого ничто не ломает.

– А где он находится?

– На втором этаже, – ответил милиционер.

– Ну тогда я его навещу!

Не успел сержант опомниться, как безногий матросик уже ловко взбирался по ступеням на привязанной к кульям тележке, орудуя тренированными руками. Сержант хотел было ринуться за ним, но затем нашел иное решение и поднял трубку телефонного аппарата. И когда Василий Гудков, грохоча подшипниками по дощатому полу, поехал по коридору второго этажа, навстречу ему уже шел высокий мужчина в офицерском галифе, начищенных хромовых сапогах и кожаном пиджаке поверх вязаной безрукавки и полосатой рубахи. На вид ему было лет сорок или около того.

– Это ты начальник? – едва не наехал своей тележкой на носки хромовых сапог Василий и боевито задрал вверх голову.

– Ну я, – ответил мужчина в офицерском галифе.

– В нашем бараке девочку малолетнюю зарезали, – выпалил безногий матрос, продолжая смотреть снизу вверх на начальника, как дети смотрят на взрослых. – Ножом! И фатеру обнесли, – добавил он.

– В каком еще нашем? – сурово посмотрел на матроса мужчина в офицерском галифе и хромовых сапогах.

– Второй барак на Сталинградской. Аккурат за зеленым домом, – ответил Василий Гудков.

– Ясно, – сказал начальник отделения милиции. – Ну что, пошли? Может, помочь?

– Сам справлюсь, – отмахнулся Вася.

– Ноги-то где потерял? – участливо спросил милицейский начальник.

– На Балтике в сорок первом, – ответил моряк. – Недалеко от маяка Тахкуна. Там где-то мои ноги и лежат...

* * *

Начальник городского отделения милиции майор Щелкунов Виталий Викторович тоже успел повоевать. Когда началась война, он, будучи служащим фабрики, вместе со многими другими парнями и мужчинами подал заявление в военкомат с просьбой принять его в ряды РККА и без промедления направить на фронт. Поскольку за плечами Щелкунова была десятилетка и работа мастером цеха на меховой фабрике, его сразу направили на четырехмесячные ускоренные курсы, готовившие младших лейтенантов, по окончании которых он попал на Волховский фронт. При освобождении Тихвина получил тяжелое ранение в грудь. Хотя руки-ноги у него были целы, но тем не менее он в звании лейтенанта был по ранению комиссован из армии.

Вернулся в Средневожск. В военкомате, куда он пришел, чтобы сняться с военного учета, ему предложили продолжить службу в милиции во вновь учрежденном отделе по борьбе с бандитизмом и дезертирством. А поскольку грамотных кадров с полным средним образованием да еще офицеров-фронтовиков в отделениях милиции Средневожска можно было пересчитать по пальцам, то через полгода Виталий Викторович стал заместителем начальника отдела в звании старшего лейтенанта, а через год с небольшим – в начале сорок четвертого – уже в звании капитана возглавил отдел. Однако быстрый карьерный рост Виталия Щелкунова был связан не только с его образованием, офицерским званием при поступлении на службу в милицию и фронтовым опытом, но и непосредственно способностями к розыску, обнаружившимися у него при расследовании первых же дел.

Одним из его первых значимых дел, которое заставило обратить на него внимание не только коллег, с которыми он разделял кабинет, но и строгое начальство, было задержание подозрительного мужчины с мешком и последующее за этим раскрытие крупных хищений с городской кондитерской фабрики.

Дело обстояло таким образом...

Возвращаясь зимой вечером с дежурства и отойдя всего-то метров сто пятьдесят от своего отделения, лейтенант Щелкунов обратил внимание на мужчину, несущего на спине большой мешок. Когда лейтенант милиции нагнал подозрительного человека и поинтересовался, что у того находится в мешке, то мужчина ничего вразумительного ответить не смог: стал юлить, изворачиваться, нести всякую чушь. Щелкунов предложил мужчине пройти в отделение милиции. Тот поначалу упирался, а потом раскрыл мешок и предложил Щелкунову половину содержимого. Мол, бери половину и дай мне уйти с миром. В мешке оказалось настоящее богатство для военного времени: несколько буханок хлеба; колотый сахар в пакетах; мука в холщовых мешках; несколько плиток шоколада и две бараньи лопатки, завернутые в тряпицу. Кража или ограбление, следовало разобраться! Схватив мужчину за шкуру, Виталий Викторович доставил его в отдел. Задержанный оказался неким Галиаскаровым, однако откуда у него взялось такое богатство – полный мешок самых что ни на есть дефицитных продуктовых товаров, – говорить он категорически отказывался. Обыск, проведенный в его квартире, дал

неожиданный результат: было обнаружено около четырехсот килограммов продуктов, в том числе более пятнадцати пудов муки, почти пуд изюма, по полпуда сливочного и подсолнечного масла, сахар, какао, кофе. После произведенного у Галиаскарова обыска с предъявлением доказательств его преступной деятельности деваться ему более было некуда, и он, рассчитывая признаниями облегчить собственную участь, был вынужден рассказать о крупных хищениях, проходивших на кондитерской фабрике, где он работал до своего задержания. Благодаря лейтенанту Щелкунову было заведено уголовное дело и раскрыта банда расхитителей, орудовавшая на кондитерской фабрике.

После задержания в начале сорок третьего года банды перекупщиков хлеба в доме у одного из фигурантов, живущего в поселке имени Серго Орджоникидзе, старшим лейтенантом Щелкуновым были обнаружены в большом количестве фальшивые хлебные карточки. При допросе задержанный показал, что ему их принес работник типографии Хаев и попросил подержать у себя с недельку. После ареста Хаева и его допроса выяснилось, что в типографии, расположенной в центре города на улице Миславского, орудовала целая банда преступников, занимающихся хищением бумаги, шрифта и красок для печатания хлебных карточек. Изготовленные фальшивки практически ничем не отличались от настоящих продовольственных карточек, а печатали подделки в подпольной типографии на улице Некрасова, в подвале частного особняка с яблоневым и вишневым садом. Дело было поставлено на широкую ногу, и преступникам к моменту задержания удалось получить и реализовать более восьми тонн хлеба. Раскрытие этого дела и привлечение к уголовной ответственности семнадцати человек вынудило милицеское начальство издать внутриведомственный приказ, согласно которому с марта сорок третьего года соблюдение режима печатания продуктовых карточек в типографиях и порядка в распределении карточек было поручено органам милиции. Что с того дня неукоснительно соблюдалось.

Старший лейтенант Щелкунов не единожды участвовал в облавах на дезертиров, сбившихся в большие банды, а в одной из них, получив пулевое ранение из обрез в плечо, все же смог задержать двух преступников, за что был награжден именными часами, получил звание капитана и был назначен начальником отдела по борьбе с бандитизмом.

Его звездным часом было участие в расследовании дела под кодовым названием «Ветхие деньги».

Случай был из ряда вон выходящий. Пожалуй, что даже фантастический... Из Средневожского отделения Государственного банка, куда во время войны стекались золото, ценности и деньги едва ли не из половины банков страны и куда была переправлена центральная кладовая Госбанка СССР, в начале весны сорок четвертого года пропали два мешка денег на сумму два миллиона рублей. Деньги были не новые, все сотенными купюрами. И украдены были из бронированной комнаты, которую охранял специальный отряд Народного комиссариата внутренних дел. Командовал отрядом охраны капитан НКВД Николай Никудин.

Первые два месяца расследования почти не дали никакого результата. Трясли служащих банка, охрану – все без толку! Все люди были проверенные, случайных служащих как в банке, так и в охране не имелось: проходили строжайшую проверку, имели безукоризненную биографию. Казалось, два мешка сотенных купюр просто растворились в воздухе, не оставив ни следа, ни запаха. Или дематериализовались. Чего, естественно, в стране победившего социализма быть никак не могло. Конечно, о случившемся в Средневожском отделении Государственного банка узнали на самом верху, поскольку кража двух миллионов рублей была очень дерзкой, вызывающей. Шутка ли: вынести из охраняемого банковского хранилища два мешка денег, да еще так, чтобы никто не заметил!

Дело попало на особый контроль руководству НКВД страны, о нем был осведомлен сам нарком внутренних дел товарищ Берия. Наркома внутренних дел республики Гисматуллу Абдуллоевича Сабитова удалили из Средневожска аж в Узбекскую ССР на не слишком

приметную должность в Наркомате госбезопасности республики. На его место был назначен начальник Пятого агентурно-оперативного отдела Третьего (секретно-политического) управления НКВД СССР полковник государственной безопасности Павел Николаевич Горбулин. Новый нарком внутренних дел республики начал с того, что поменял в Управлении милиции города начальников отделов по борьбе с бандитизмом и по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией. В Средневожск был командирован приказом из Москвы тридцатидвухлетний майор Абрам Борисович Фризин, до этого командированный с Украины на Северный Кавказ и успешно ликвидировавший со своим оперативным отрядом тамошние бандитские формирования. Он и был назначен новым наркомом Горбулиным на должность начальника отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией городского Управления милиции. Отдел Управления по борьбе с бандитизмом временно возглавил капитан НКВД Григорьев, ликвидировавший несколько недель назад банду Жихи (Антон Жихаревского), терроризирующую город с самого начала войны и убивающую своих жертв за старенькое пальто и валенки, авоську с мерзлой картошкой или буханку хлеба.

Буквально через неделю после вступления полковника госбезопасности Горбулина в должность наркома внутренних дел республики в Средневожск прибыл из Москвы на усиление полковник госбезопасности Горюнов Иван Иванович, начальник Первого отдела Главного управления контрразведки Смерша, занимающегося агентурно-оперативной работой. Вероятности того, что пропажа двух мешков наличности была не просто кражей, а диверсией, исключать тоже было нельзя. Особенно после задержания агентов немецкой разведки – группы Ягудина, Пальцева и Донца, целью которых были диверсии на пороховом и авиационном заводах Средневожска и сбор данных о передвижениях военных эшелонов транзитом через Средневожск.

Они были очень непохожи – полковники госбезопасности Горбулин и Горюнов. Первый был родом из Курска, рабочую карьеру начал в пятнадцать лет учеником слесаря в железнодорожных мастерских. Позже длительное время работал в комсомоле на разных должностях, откуда был переведен в Главное управление государственной безопасности, где, дослужившись до полковника, получил новое назначение. Он был круглолиц, щекаст, насмешлив и до безобразия молод, каких-то тридцать три года! Второй был из Подмосковья, успел повоевать в Гражданскую. Затем в частях особого назначения, созданных для выполнения специальных заданий и состоящих исключительно из комсомольцев и коммунистов, противостоял силам мелкобуржуазной контрреволюции на севере и востоке Казахстана. Подавляя мятеж Сапожкова, был ранен в ногу. Позже был призван на партийную работу, откуда был переведен в органы НКВД.

Худой, не улыбкастый, с колючим жестким взглядом, полковник Горюнов был лет на десять старше Горбулина. Взгляд у него был тяжелый, изучающий, и когда Иван Иванович смотрел на собеседника в упор, то тому казалось, что он читает его мысли. С таким лучше не лукавить и не спорить, говорить исключительно правду и без колебаний соглашаться на предлагаемые условия. Впрочем, и Павел Николаевич не лишен был таких же талантов и при внешней мягкотелости, не повышая голоса, мог подобрать нужные слова, позволявшие даже самому несговорчивому блеснуть красноречием.

Несмотря на несхожесть характеров, на различие в возрасте, на разный жизненный опыт, оба полковника госбезопасности начинали оперуполномоченными в особых отделах и отлично понимали друг друга, что для дела было весьма важно.

На следующий день по приезде в Средневожск полковника госбезопасности Горюнова у него состоялся телефонный разговор с личным секретарем Сталина, заведующим Особым сектором ЦК ВКП(б) Поскребышевым. Александр Николаевич поинтересовался состоянием дел в городе, в наркомате республики и мягко посоветовал, имея в виду обоих полковников госбезопасности, создать по делу «Ветхие деньги» оперативно-разыскную группу во главе с майором Фризиным.

– А вот состав группы – это на ваше усмотрение. Вам с ними работать, вам и выбирать, – добавил Поскребышев, на чем разговор и закончился.

Требования поскорее разобраться с делом не прозвучало, но это отнюдь не значило, что можно расслабиться и не спешить. Напротив, то, что Поскребышев не торопил с расследованием такого серьезного дела, означало, что желаемый результат ожидается как можно скорее.

Майор Фризин – теперь уже начальник отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности Средневолжска – через неделю уже ориентировался в городских делах не хуже прежнего начальника. И скоро предложил включить в группу по делу о «Ветхих деньгах» две выбранные им кандидатуры. Первой был оперуполномоченный из Молотовского района города старший лейтенант Корнеев – на его счету имелось рекордное количество задержаний в текущем сорок четвертом году и участие в поимке и разоблачении разведывательно-диверсионной группы Ягудина. Второй кандидатурой являлся начальник отдела по борьбе с бандитизмом отделения милиции поселка имени Серго Орджоникидзе капитан Щелкунов. Начальника отдела по борьбе с бандитизмом городского Управления капитана НКВД Григорьева предложил включить в группу сам нарком Горбулин. Так в предельно короткий срок, как того требовали обстоятельства, была сформирована крепкая оперативно-разыскная группа, перед которой была поставлена задача в кратчайшие сроки найти и обезвредить банду похитителей денег из банка – всем было ясно, что одиночке такое дело никак было не повернуть, – и разыскать сами деньги.

И началась кропотливая оперативно-разыскная работа. День за днем, неделя за неделей. Вновь опрашивали свидетелей, наводили справки о служащих банка, попавших под подозрение, проводили оперативный осмотр в жилищах и в зданиях, где, по предположениям группы, могли храниться деньги, выработывали новые версии. Без излишней нервозности и суеты, не теряя ни часа, оперуполномоченные группы накапливали и обрабатывали различные факты, которые могли бы пролить свет на личные связи, привычки, склонности и характер служащих, несущих охрану банка, и его хозяйственной obsługi – то, на что в первую очередь решил обратить внимание майор Фризин.

Капитан Щелкунов по поручению Абрама Борисовича перепроверял энкавэдэшников из отряда охраны госбанка. Проводил опросы и, если возникало хотя бы малейшее подозрение о причастности к похищению, разрабатывал подозреваемого по полной программе. Однако всякий раз человек оказывался чист перед законом, и приходилось все начинать сначала.

После шестой неудачи с подозреваемыми, когда многим уже показалось, что деньги не будут найдены, а банда не будет разоблачена, Виталий Викторович приступил к разработке очередного охранника-солдата. Им оказался рядовой охраны банка Фаттахов, уроженец и житель Средневолжска. И тут было выявлено одно любопытное истораживающее обстоятельство. Этот рядовой энкавэдэшник в конце апреля купил на имя отца хороший дом (и, надо полагать, недешево) в частном секторе на улице Окольной в Ленинском районе города. А в мае прикупил еще двух коров, козу и прочую животину помельче, что по военному времени стоило немалых денег. Да и купить было непросто: мало кто хотел продавать то, что можно было в крайнем случае обратить в пищу. Факт сам по себе был интересен и наводил на определенные подозрения, и Виталий Викторович продолжил собирать справки о богатом рядовом, скрупулезно собирая добытый материал и сопоставляя его с уже наработанным.

Как выяснилось по оперативным источникам, Фаттахов является родственником кухарки и по совместительству уборщицы в казарме, где проживали охранники банка, Фариды Шагиахметовой. Было также установлено, что в купленном доме на улице Окольной частенько бывает командир отряда охраны банка капитан НКВД Николай Никудин. Случается, что заявляется в дом по ночам с молодой женщиной (ее личность пока установить не удалось) и остается в нем до самого утра.

Обо всем этом капитан милиции Щелкунов решил доложить своему непосредственному начальнику майору Фризину. Абрам Борисович выслушал его, задал несколько вопросов, после чего весело воскликнул:

– Вот теперь все сложилось! Можно брать мерзавцев!

Виталий Викторович вопросительно посмотрел на него, и Фризин рассказал ему следующее. Он как-то проходил по комнате-казарме охраны и увидел в раскрытом мусорном бачке непромокаемую бумагу с остатками сливочного масла, несколько кусочков свиных шкурок и тщательно обглоданную куриную ногу. Эти остатки пищи были слишком изысканны по военному времени и являлись чрезвычайным дефицитом, отнюдь не похожим на обыкновенный солдатский паек. А по базарным ценам такие продукты были рядовым не по карману. Да и младшим офицерам охраны они вряд ли были доступны, а если и приобретались, то, по крайней мере, очень нечасто. Более того, жили офицеры отдельно от солдат. Тогда откуда среди мусора оказались остатки таких изысков?

Факт обнаружения остатков дефицитных продуктов в солдатской казарме заинтересовал Абрама Борисовича, и он стал наводить справки относительно уборщицы казармы Фариды Шагиахметовой, которая по совместительству кухарила для рядовых охранников. Выяснилось, что ей сорок восемь лет, она вдова, двое сыновей воюют на фронте. Время от времени она посещает «Синий рынок» – центральный рынок города, состоящий сплошь из дощатых лабазов, выкрашенных синей масляной краской. Здесь уборщица-кухарка заготавливается хлебом, сливочным маслом, сметаной, молоком, салом, курицей и прочими продуктами для офицеров и для себя. И еще она приходится родственницей рядовому НКВД Фаттахову.

Уборщицу-кухарку взяли в оперативную разработку и установили за ней негласное круглосуточное наблюдение. Старший лейтенант Корнеев, переодетый в штатское, и его сменщик старшина милиции Попов ходили за Фаридой Шагиахметовой по пятам, ни на минуту не упуская из виду. И когда она в очередной раз явилась за покупками на рынок и, приобретая нужные продукты, расплатилась сотенной купюрой, эту сотенную у продавцов изъяли и отдали на экспертизу.

Наблюдение велось за Шагиахметовой не один день, и всякий раз, приобретая на рынке продукты, она расплачивалась сотенными, которые изымались и отправлялись на экспертизу.

– Наконец эксперты дали заключение, – продолжил руководитель группы, весело поглядывая на Виталия Викторовича. – Оно было однозначным: все деньги, каковыми расплачивалась на базаре за продукты Фариды Шагиахметова, – из тех самых похищенных из банка двух миллионов. Когда ее привезли ко мне в отдел, – стал завершать свой рассказ майор Фризин, – отпиралась она недолго и дала показания против своего родственника рядового Фаттахова, рассказав, что деньги – двадцать тысяч – он дал ей на «текущие расходы». И настоятельно просил об этом никому не говорить. И если сложить все то, что накопал ты, с тем, что известно мне, то получится вполне ясная картина преступления. Ну, может, без нескольких деталей... Так что, капитан, поздравляю с разоблачением преступника, – крепко пожал Щелкунову руку Абрам Борисович.

В тот же день майор Фризин и капитан Щелкунов явились для доклада в здание Наркомата внутренних дел на улице Дзержинского и прошли напрямик в кабинет наркома Горбулина. Павел Николаевич виделся с майором Фризиным едва ли не каждый день, поскольку сам нарком внутренних дел республики просил о деле «ветхих денег» докладывать ему всякий раз, когда расследование продвинется вперед и получит какие-либо новые факты и доказательства. Когда в его кабинет зашли два офицера из оперативно-разыскной группы по «ветхим деньгам», полковник государственной безопасности понял, что на этот раз Фризин принес ему нечто более крупное и значимое, нежели просто очередной факт по делу. Так оно и оказалось...

Доклад майора Фризина занял несколько минут. Пару раз Павел Николаевич останавливал его вопросами, после чего просил Абрама Борисовича продолжить рассказ.

Один вопрос народный комиссар Горбулин задал и капитану Щелкунову. Заключался вопрос в следующем: какую роль в деле о «ветхих деньгах», по мнению капитана, играет начальник охраны банка капитан НКВД Николай Никудин?

– Полагаю, что капитан Никудин является подельником рядового Фаттахова. А может быть, главным в их преступной группе, – чеканя каждое слово, отрапортовал Щелкунов и уставился на наркома, ожидая нового вопроса. Однако вопросов от полковника госбезопасности Горбулина более не последовало. Удовлетворенный докладом и вообще ходом расследования по делу о «ветхих деньгах», Павел Николаевич заключил:

– Состав преступников, возможно неполный, нам известен. Доказательная база на них имеется, так что открутиться они не смогут. Неизвестно пока, каким образом им удалось похитить два мешка денег и где в настоящее время находятся сами деньги. Однако я считаю, что для ареста рядового Фаттахова и капитана Никудина оснований вполне достаточно. Так что действуйте, Абрам Борисович, – завершил разговор народный комиссар внутренних дел республики.

Милицейский наряд во главе с майором Фризиным первым делом выехал на улицу Окольную, где предположительно находились деньги. Фаттахов был на службе и вообще не имел права выхода в город, кроме увольнительных. И чтобы ни он, ни капитан Никудин никуда не скрылись, за ними велось непрерывное наблюдение.

Дверь милиционерам открыл отец Фаттахова. Увидев представителей органов, он побледнел, так как, видимо, догадался о цели их визита. Похоже, он ждал подобного развития событий и сильно этого боялся. И когда майор Фризин объявил, зачем они пришли, и предложил добровольно выдать украденные из банка деньги, Фаттахов-старший, недолго думая, проводил милиционеров в сарай и подвел к бочке с солеными огурцами.

– Тут второе дно, – указал на бочку Фаттахов-старший и повесил голову.

То, чего он опасался, свершилось, и оставалось только догадываться, что будет дальше...

Дно у бочки выбили. Деньги находились там, завернутые в непромокаемую бумагу.

– Тут миллион с четвертью, – пересчитав сотенные, обратился к старику майор Фризин. –

А остальные где?

Фаттахов-старший развел руками:

– Как-то разошлись понемногу. Дом вот купили, участок, скотину... Все ж денег стоит...

Еще Николай Игнатьевич тысяч двести себе взял...

– Николай Игнатьевич – это капитан Никудин? – поинтересовался Абрам Борисович.

Фаттахов-старший в знак согласия кивнул:

– Он самый.

После изъятия денег поехали в банк и взяли Фаттахова-младшего. Когда же пришли за капитаном Никудиным, тот поначалу возмущался и всячески противился аресту, но как только майор Фризин умело ткнул его кулаком под дых, Николай Игнатьевич переломился, тотчас успокоился, а когда наконец отдышался, как-то разом погрустнел...

На допросах ни Фаттахов, ни Никудин не запирались: доказательной базы хватало, чтобы припереть их к стенке и заставить говорить правду. На вопрос, каким образом удалось похитить два мешка денег из охраняемого помещения, да так, чтобы никто не заметил, был получен простой ответ. Когда хранилище ремонтировалось, похитители просто спрятали деньги под строительным мусором. И капитан Никудин, имеющий право выхода в город, перенес деньги частями в дом Фаттахова. А дверь хранилища открывалась дубликатом ключа, который сделал слесарь Иващенко с воскового слепка. Так что ничего фантастического или мистического в похищении двух мешков денег из Средневолжского отделения Государственного банка СССР не было. Решением военного трибунала Средневолжского гарнизона рядовой Наркомата внутренних дел Фаттахов и капитан НКВД Никудин были расстреляны.

Через месяц после завершения дела «Ветхие деньги» капитану Щелкунову пришло представление на майора. К этому времени он уже служил начальником городского отделения и со дня на день ожидал перевода в городское Управление милиции на должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом. А временно возглавляющего отдел капитана Григорьева приказом по Управлению переводили в отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией, которым руководил майор Абрам Борисович Фризин.

Виталий Викторович уже готовил дела для сдачи своему преемнику, когда ему позвонил снизу дежурный и сказал, что к нему направляется безногий матрос по делу об убийстве девочки с улицы Сталинградской. А поскольку майор Щелкунов покуда являлся действующим начальником городского отделения милиции и более в отделении никого не было, его прямой обязанностью было выслушать заявителя и принять соответствующие меры...

* * *

Василий Гудков вернулся в барак не один. С ним пришел человек в офицерских галифе, до блеска начищенных хромовых сапогах и в кожаном пиджаке поверх вязаной безрукавки и полосатой рубахи. Представившись, он первым делом осмотрел труп, потом оглядел комнату, после чего произнес, ни к кому не обращаясь:

– Удар точный, нож прошел аккурат между ребер. Почти ювелирная работа... Если так можно выразиться. Это надо знать, куда бить. Иначе нож может попасть в ребро и изменить направление. Или вообще сломаться. Что это значит? – С этими словами Щелкунов посмотрел на безногого матроса, который понял вопрос буквально и, посчитав, что спрашивают его, молча пожал плечами. – А это значит, – сам же начал отвечать на свой вопрос пока еще начальник городского отделения милиции, – удар был нанесен человеком, который подобным ударам обучался. То есть профессионалом. Возможно, убийца бывший фронтовик. Разведчик или диверсант. А возможно, и опытный урка, которому не единожды приходилось убивать подобным образом...

После осмотра тела майор обратился к Назару Степановичу, молчаливо сидевшему на полу подле убитой внучки:

– Отвечать на мои вопросы сможете?

Старик едва заметно кивнул.

– Убитая – ваша внучка? – спросил Щелкунов.

– Да, – чуть слышно ответил Назар Степанович.

– Сколько лет было девочке? – задал новый вопрос Виталий Викторович.

– Двенадцать... Скоро тринадцать должно было исполниться... – натужно вздохнул старик так, будто воздух перестал проходить в его легкие.

– Где ее родители? – продолжал спрашивать майор Щелкунов.

– Отец ее, мой сын, погиб еще в сорок первом под Москвой, – глухо ответил Назар Степанович. – Мать тоже в сорок первом умерла... – продолжил он. – Не смогла пережить потерю... А я вот... дочь их не сумел уберечь... Что же я им скажу, когда встретиться доведется...

– Расскажите, как вы обнаружили... труп.

– Мы были в парке, как и все... День Победы все-таки, – с трудом начал Назар Степанович. – А потом, когда стало холодно, Оленька пошла домой за пальто. И мне телогрейку обещала принести. Я ее прождал где-то с полчаса, может больше, потом пошел навстречу. По пути она мне не попала, пошел в барак. Открыл дверь и увидел, что она лежит...

– Когда вы в барак шли, вам навстречу никто не попался? – поинтересовался Виталий Викторович.

– Нет, – ответил старик. – Никого не встретил.

Майор Щелкунов снова оглядел комнату.

– Ну что, картина более или менее ясна, – снова произнес скорее для себя, нежели для увечного морячка или для убитого горем деда, майор Щелкунов. – Преступник, пользуясь тем, что все ушли в парк праздновать победу, проник с целью ограбления в комнату. И тут вдруг входит девочка. Она видит, что он роется в вещах, и вот-вот закричит и позовет на помощь. Преступник бросается на нее, зажимает ей, по всей вероятности, рот и наносит ножевой удар в сердце. Избавившись от свидетеля, он спешно покидает комнату...

– А вы его найдете? – не удержался от вопроса Вася Гудков.

– Будем стараться, – ответил майор Щелкунов, не глядя на безногого моряка. – Находили и не таких, – добавил Виталий Викторович и подошел к так и сидевшему на полу Назару Степановичу: – Вам надо написать заявление. Я вам дам бумагу и карандаш.

Назар Степанович тяжело поднялся с пола, сел за стол и под диктовку майора милиции кое-как написал заявление. Руки его дрожали, и буквы получались неровные, будто писал пьяный.

– Посмотрите, что у вас пропало. Это важно, – сочувственно попросил майор Щелкунов.

Старик, держась за стол, встал и прошелся по комнате, чтобы осмотреть помещение и сказать, что из вещей внучки убийца унес с собой.

– Да. Пропали вещи.

– Нам нужно составить опись. – Открыв полевую сумку, майор вытащил из нее лист бумаги и карандаш. – Вот возьмите, нужно написать, что пропало. И желательно указать особые приметы.

– Не смогу я, – сказал старик. Вытянув вперед руки, он показал дрожащие ладони. – Карандаш даже не смогу держать.

– Хорошо, я вам помогу, – произнес Щелкунов. – Давайте, говорите, что пропало.

– Шубка у Оленьки была каракулевая. Очень она ее любила. Нет ее.

– Особые приметы можете назвать?

– Верхняя пуговица на шубке была оторвана... Все хотел зашить, да как-то все некогда было. А теперь вот... Времени много, только в этой шубке Оленьке уже больше не ходить.

– Что еще из украденных вещей можете назвать? – спросил Щелкунов.

– Ботинки мужские черные сорок второго размера с замазанным тушью левым носком.

Составив опись, майор Щелкунов аккуратно уложил листок бумаги в папку.

– Мне сейчас нужно идти. Сообщу о произошедшем... Приедет машина, заберет девочку, – посмотрев на ссутулившегося старика, негромко добавил: – Таков порядок.

Минут через тридцать после ухода милиционера приехала труповозка. Оленьку погрузили в кузов, и грузовик повез ее в морг. Назар Степанович остался в одиночестве. Теперь совершенно один. Навсегда... Немцы отняли у него сына. Не пережив потерю любимого, ушла и сноха. Эта смерть тоже на их совести. А внучку отняли свои. Убили подло малолетнего ребенка, что ставит их наравне с фашистами. А может, даже эти убийцы будут и похуже немцев.

Оленька была для старика единственной целью в жизни. Нитью, которая держала его на этом свете и делала его существование нужным и осмысленным. Огоньком, указывающим его путь, без которого он бы совсем не знал, куда идти и, главное, зачем. Для чего ему теперь жить? Для кого? Нет больше нужды коптить небо. Да и не хочется больше жить. А раз не хочется – он и не будет...

Назар Степанович пошарил в сундуке рукой и достал моток веревки. Прикинул, хватит ли ее до потолка, если размотать. Затем распустил веревку, соорудил петлю, другой конец веревки добротной привязал к потолочному крюку. Вряд ли строители барака думали, что жильцы будут вешать под потолком тяжелые бронзовые или хрустальные люстры. Однако потолочные крюки все же приделали. Верно, для того, чтобы при оказии можно было бы без особых проволочек удавиться.

Посмотрев на свешивающуюся с потолка веревку, оканчивающуюся петлей, Назар Степанович взял один из двух имеющихся в комнате стульев, поставил его точно под петлей и забрался на него. Немного постояв, продел голову в петлю, снова постоял.

– Сейчас, Олюшка, сейчас мы снова будем вместе. Ты только там подожди меня немного, – прошептал Назар Степанович.

С этими словами старик шумно выдохнул и сделал шаг со стула...

Глава 4

История жизни барыги Чуприна

Про поселок Северный, состоящий сплошь из частных домов, нельзя было сказать, что он был новым, хотя большинство домов было построено в первые месяцы войны. На этом месте – к северу от города – стояла с незапамятных времен деревенька с забытым ныне названием, то ли татарским, то ли марийским, о чем никто из жителей уже не помнил.

Место было плохонькое, всеми ветрами продуваемое, с песчаной почвой, на которой сеять разве что горох да бобы. Неведомо, кто сию деревеньку основал, но точно можно сказать, что человек был не большого ума и ни черта не смыслил в особенностях почвы и выборе местности для проживания человека. И чтобы хоть что-то на той земле проросло и приносило урожай, надлежало приусадебные участки часто поливать и удобрять навозом и перегноем, чем население деревеньки, собственно говоря, большую часть времени и занималось. Поэтому деревенька не спешила разрастаться: была махонькой в веке восемнадцатом, оставалась такой в девятнадцатом и не стала больше по площади и численности населения в веке двадцатом.

Осенью сорок первого года на завод имени Серго Орджоникидзе вместе с рабочими, инженерами и конструкторами прибыло оборудование Московского авиационного завода имени Горбунова, и два завода, объединившись в один, стали выпускать для нужд фронта самолеты «Пе-2». Эвакуированным работникам вновь созданного предприятия стали выделять близ деревеньки участки земли для индивидуального строительства. Там же стали строить дома переселенцы из оккупированных немцами территорий, а поскольку поселок находился севернее Средневожска, то сначала в народе, а потом и официально он получил наименование Северный.

Мужик в стареньких штанах, рубахе, телогрейке и старом картузе дошел до дома с зеленой крышей и постучал. На стук вышел хозяин дома. Ему было лет сорок. Одет в добротные брюки, рубаху и стеганую безрукавку. На ногах калоши. Он был худой, с большими залысинами, глубоко посаженными серыми глазами и горбатым носом. Словом, назвать его красавчиком было нельзя. А вот мужика в картузе и с большой хозяйственной сумкой в руках привлекательным и интересным назвать было можно. Ежели, конечно, мужика этого отмыть и подобающим образом приодеть.

– Кого еще черт несет? – недовольно спросил худой мужик из-за ворот и стал спускаться с крыльца.

– Свои, – прозвучал немедленный ответ.

– Свои все дома, – проворчал мужик в калошах и стеганой безрукавке, однако ворота все же приоткрыл и отступил, давая пройти гостю. Мужик с хозяйственной сумкой в руках вошел и молча потопал вслед за хозяином. В сенях гость снял запыленные ботинки и через порог в комнату переступил уже в носках. Хозяин дома также скинул галоши и прошел в комнату. Подойдя к столу, мужчина в картузе раскрыл сумку и вытряхнул ее содержимое на квадратный стол.

– Вот, – сказал он, указывая на нехитрые вещи. – Скинуть бы надо. Гамбусом¹⁰.

– Небогато, скажу тебе, – оценил хозяин дома шмотки. – И товар какой-то весь подпорченный.

– Так что, берешь? – нетерпеливо спросил гость худого.

---

¹⁰ Гамбусом – продать все украденное оптом (*жарг.*).

– А ты что, на кичу¹¹, что ли, торопишься? – одним уголком губ ухмыльнулся хозяин дома.

– Не, на кичу не спешу, – исподлобья посмотрел на худого гостя. – Просто хромчить¹² дюже охота. Аж ливер сводит!

– Ладно. Заходи через два дня, – изрек худой, сгребая одежду обратно в сумку. – Придумаю что-нибудь.

– Через два? – недовольно ощерился мужик в телогрейке и старом картузе. – Мне сейчас жрать хочется!

– Ну а коли сейчас... – немного призадумался барыга¹³, – так это... Тут на триста рубликов будет.

– Триста? – едва не задохнулся от негодования мужчина в старом картузе. – Ну ты и жила! Пара коней малых¹⁴ столь поднимает¹⁵. Где сейчас такие цивильные купить?

– Так не хошь, как хошь, никто тебя не неволит, – заявил барыга. – Хозяин – барин!

– Накинь еще хоть полсотни! – попросил гость.

– Лады, – согласился барыга. – Двадцатку накину. Так что?

– Идет, – нехотя согласился мужчина в старом картузе. Видать, и правда жрать ему хотелось сильно.

Проводив гостя, мужчина с глубокими залысинами, которого звали Михаил Никодимович Чуприн, крепко задумался. На него иногда накатывали тягостные воспоминания, и ничего с ними он поделаться не мог. Так и свербели в мозгу! Отключить бы все это кино, забыть навсегда, но не получается, хоть ты тресни!

Вспомнилось далекое детство, как он с отцом, купцом первой гильдии, и матерью, тоже купеческой дочкой, встречает осенью девятнадцатого года вошедшие в город Орел части генерала Кутепова. С настроением играет духовой оркестр, все люди празднично одетые, сам Миша в ставшей уже тесной форме ученика коммерческого реального училища приветственно машет рукой белым конникам, а мать держит в руках хлеб-соль и счастливо улыбается.

Правда, уже на шестой день белые спешно покинули город, а иными словами – бежали. И красные части Девятой дивизии, вошедшие в Орел, встречали совсем иные люди. Однако воспоминание об этом событии осталось. Ясное, четкое, будто все это случилось только вчера (таких ярких воспоминаний за всю жизнь Михаила Никодимовича накопилось не очень много).

Последующие несколько лет в губернии устанавливалась советская власть, принесшая семье немало трагических событий: конфискацию всего нажитого имущества, выселение из дома, а также арест отца, обвиненного в связях с белым движением. Поговаривали, что вместе с другими заключенными батюшка был отправлен куда-то на север. Возможно, что так оно и было, но более его он не видел. Скорее всего, сгинул где-то в лагерях. Матушка после ареста мужа слегла и вскоре тихо померла во сне.

Оставшись один, Михаил, как мог, приспособливался к новым условиям – другого пути, чтобы выжить, не существовало. Сначала он трудился кладовщиком при галантерейном магазине; вскоре, оценив его грамотность, начальство поставило его кассиром и немногим позже повысило до помощника бухгалтера. Выполняемая работа тяготила, хотя деньги он получал неплохие. А вот заняв должность старшего товароведа Орловского отделения треста «Росглавхлеб», можно было развернуться и с размахом проводить коммерческие операции. Батюшкин талант приумножать деньги проявился в Михаиле Никодимовиче в полной мере именно на

---

¹¹ На кичу – (здесь) в тюрьму (*жарг.*).

¹² Хромчить – есть, кушать (*жарг.*).

¹³ Барыга – скупщик краденого (*жарг.*).

¹⁴ Кони малые – (здесь) ботинки (*жарг.*).

¹⁵ Поднимать – стоять (*жарг.*).

этом месте, и вскоре часть государственных денег стала оседать в личном кармане Михаила Никодимовича в весьма приличных количествах. Но в начале тысяча девятьсот сорок первого года Михаил Никодимович Чуприн во время одной из таких операций по закупке труб для местного хлебозавода был уличен в использовании служебного положения в личных интересах. Последствия не замедлили проявиться: в апреле того же года решением Орловского народного суда Михаил Никодимович был приговорен к двум годам лишения свободы и этапирован из Орловского централа в Гомельскую тюрьму, зовущуюся местными старожилками «тюремным замком на Ремесленной». Там он и встретил начало Великой Отечественной войны.

Однажды, в августе месяце, перед самой сдачей города немцам налетели германские самолеты, и несколько тяжелых бомб попало в тюремный замок, разрушив корпуса для заключенных и поломав ворота. Тюремное начальство и надзиратели в страхе разбежались, а сидельцы, предоставленные сами себе, незамедлительно покинули разваленные здания.

Чуприн вместе с земляками-орловцами двинулся домой и скоро был задержан немцами и препровожден вместе с другими в Карачевский сборный пункт. Там бывшим зэкам выдали удостоверяющие личность *аусвайсы* и велели идти по домам и поступить на работу, чтобы приносить пользу великой Германии...

Третьего октября одна тысяча девятьсот сорок первого года в середине дня в Орле взлетели на воздух электростанция и элеватор, взорванные частями НКВД, последними покидавшими город. А еще через несколько часов на городских улицах, сильно тарахтя, появились немецкие мотоциклисты.

Наступило несколько часов хмельного безвластия, когда старой власти уже не существовало, а новая еще на установилась – самое время пограбить продуктовые и продовольственные магазины, склады и вагоны, стоящие на станции и ожидавшие разгрузки, чем горожане, включая баб и детишек, и занялись.

Грабежи прекратились через два дня, когда немцы показательно расстреляли группу мародеров, грабивших дальние склады с мукой и крупами. Когда Чуприн добрался до Орла, там уже всю командовал германец. Всем управляли гарнизонная комендатура во главе с генералом Адольфом Хаманном и Орловское городское самоуправление с бургомистром во главе, проще зовущееся городской управой, которая беспрекословно подчинялась распоряжениям гарнизонного коменданта.

Анастасия, супруга Михаила Никодимовича, кажется, уже не чаяла увидеть мужа живым. Она до того обрадовалась его появлению, что аж в голос всплакнула, пустив счастливые слезы.

Вечером в коммуналке, где проживали Чуприны, от души гуляли по поводу возвращения Михаила. Составили в ряд столы на общей кухне, сообразили нехитрую закуску да четверть самогону, что купили вскладчину у местного дельца Кутыгина, хвалившегося выданным ему от бургомистра патентом на варение самогона. Соседка по коммуналке Ольга Тяпина выставила на общий стол две банки немецкой тушенки, что очень кстати пришлось к вареной картошке, – Тяпина служила в городской комендатуре переводчицей и получала от новых хозяев города вполне приличный для военного времени паек.

Погуляли неплохо, хотя и без привычных советских тостов и заздравных песен про отца народов Иосифа Виссарионовича Сталина. Когда после окончания гулянки Михаил Никодимович отправился относить из кухни в комнату Тяпиной занятые на время гулянки стулья, то застал там двух молодых немецких офицеров.

– *Wer bist du?*¹⁶ – внимательно посмотрел на Чуприна один из офицеров.

– Они спрашивают, кто ты? – перевела отрывистую немецкую речь Ольга Тяпина.

– Скажи им, что меня зовут Михаилом Чуприным. Я – сын купца первой гильдии. А еще вот что добавь... И сильно пострадавший от советской власти. Скажи им, что я потерял

¹⁶ Ты кто такой? (нем.)

в застенках ВЧК отца и сам недавно невинно пострадал от проклятых коммунистов. Если бы тюрьму не разбомбили и я из нее не убежал, неизвестно еще, чем бы закончилось мое заключение. Говорят, что нас просто не успели расстрелять.

Когда Тяпина перевела германскому офицеру ответ Чуприна, немец поднялся и вплотную подошел к Михаилу:

– Was der Kaufmannssohn tun will?¹⁷

Когда соседка перевела очередной вопрос немецкого офицера, Чуприн пожал плечами и ответил:

– А хрен его знает! Не решил еще пока.

– Приходите завтра к господину бургомистру. И мы вместе подумаем, чем заняться купеческому сыну, сильно пострадавшему от советской власти и коммунистов.

После того как Тяпина перевела Чуприну эту фразу, немец улыбнулся и похлопал Михаила по плечу. Тот улыбнулся в ответ. Может, с приходом немцев черные дни для Чуприных закончились?

После расстрелянного немцами за связь с партизанами орловского бургомистра Шалимова его место занял выпускник Орловского кадетского корпуса, бывший капитан Добровольческой армии Сергей Таров. Он сидел в двадцатом году в Орловском концентрационном лагере принудительных работ, затем куда-то исчез и появился в городе уже в должности главы Орловской управы. Таров был приятелем старшего брата Михаила Чуприна, поэтому принял Михаила Никодимовича как родного. Один из немецких офицеров, что гостили вчера у соседки Ольги Тяпиной, тоже присутствовал при встрече старых знакомых.

После расспросов про отца и брата, пропавшего без вести в том же двадцатом году, разговор перевелся на него, Михаила Чуприна.

– Немцы пришли навсегда, – произнес Таров с твердой убежденностью. – Жаль только, что с опозданием на двадцать лет, долго ждать пришлось, – неодобрительно покачал головой. – Настало время послужить великой Германии. Чем бы ты хотел заняться? – поинтересовался бургомистр.

– Коммерцией, – чуть подумав, ответил Михаил. – У меня к этому делу есть кое-какие способности. Мой отец был купцом, я с детства ему помогал, а еще учился в коммерческом училище...

– Это все, конечно, прекрасно, – резюмировал Таров, думая отнюдь не об услышанных от Чуприна словах. – Однако я полагал, что ты горишь желанием посчитаться за отца и брата и за себя, конечно. Ведь большевики и жида поломали тебе всю жизнь, – пытливо посмотрел на Михаила Никодимовича глава городской управы. – Так вот, – помолчав, чтобы придать значимость своим словам, бургомистр продолжил: – Теперь самое время посчитаться с советской властью... Почему бы тебе не поработать в полиции, чтобы помочь установить немецкий режим? Немцы – нация цивилизованная, они очень любят порядок, таких людей, как ты, пострадавших от советской власти, ценят, получать ты будешь хорошо. Отдыхать будешь в Германии! Или на Средиземное море поедешь.

– Как-то очень неожиданно, – неуверенно произнес Чуприн. – Я не занимался подобными делами.

– Ничего страшного, научишься! Человек ты небесталанный. Если что-то не будет получаться, тебе помогут. Уверен, что ты при немцах еще и карьеру сделаешь, какой у тебя никогда при Советах не было бы.

– Ну хорошо. Я согласен.

Поначалу Михаил Чуприн служил агентом розыскной группы полицейского управления при городской управе с должностным жалованьем шестьдесят рейхсмарок. С такими же, как

---

¹⁷ Чем намерен заниматься, купеческий сын? (нем.)

он, занимался розыском оставшихся в городе партийных работников, выявлял подпольщиков, евреев, а также лиц, недовольных новым режимом. Позже ему было поручено составление списков неблагонадежных для передачи их в гестапо.

Михаил Никодимович в деталях помнил, как он выявил своего первого подпольщика, причем тот оказался заведующим паспортным столом полицейского управления. Арестовывал его лично Чуприн. При обыске у подпольщика было обнаружено несколько десятков бланков «аусвайсов» и других документов, похищенных в паспортном отделении полиции города. Когда подпольщика препроводили в арестантскую камеру при полицейском управлении, Михаил Чуприн сам вызвался его допросить и стегал подпольщика плеткой до тех пор, пока тот не потерял сознание. После этого он облил допрашиваемого холодной водой и привел в чувство. Так продолжалось несколько раз. В конечном итоге Чуприну не удалось выбить из него показания, однако по документам и уликам, найденным у подпольщика дома, были арестованы еще трое, причем один из них оказался разведчиком, переброшенным со специальным заданием в тыл к немцам.

После этого знаменательного дела Михаила Чуприна повысили до старшего агента розыскной группы и положили жалованье в девяносто рейхсмарок. А когда группа получила собственное здание на улице Черкасской (недалеко от здания гестапо на той же улице) и стала именоваться Сыскным полицейским отделением, Чуприн получил предложение возглавить новое подразделение. Теперь он подчинялся непосредственно начальнику тайной политической полиции криминал-комиссару СС обер-лейтенанту Гансу Герману Коху.

Ганс Кох обладал статью, был горбонос, как и большинство выходцев из Баварии. Человеком слыл образованным; любил музыку, играл на скрипке; всецело был предан своей службе; ради достижения цели мог пренебречь любыми правилами. Столь же полной самоотдачи он требовал и от подчиненных. Его холеное тонкое лицо, не лишённое мужской красоты, оставалось непроницаемым при любых жизненных ситуациях, казалось, что он вообще не умеет улыбаться. Не мог терпеть возражений. Спорить с ним – дело бесперспективное, даже небезопасное.

В отличие от своего шефа Михаил Чуприн статью не обладал: щуплый, напрочь лишенный какого бы то ни было обаяния. И посмеяться начальник Сыскного отделения полиции любил. По большей части над скабрёзными анекдотами и матерными частушками про Сталина, Молотова, Калинина и прочих советских руководителей высшего ранга. Что же касается деловых качеств Михаила Чуприна, то они Ганса Германа Коха вполне устраивали: в службе дотошен до мелочей, скрупулезен, в проявлении человечности и жалости к врагам рейха не замечен. К большевикам у него имеются личные счеты. А еще Чуприн не любил, когда с ним спорят. Столь необычная черта характера объединяла обоих.

В тот недолгий период, когда Орел был под немцами, Ганс Кох проявил себя убежденным нацистом. По его приказу полицаи Михаила Чуприна отыскивали через свою разветвленную агентуру в городе евреев и увозили их в Андриабужский лес, где и расстреливали. Чуприным были раскрыты еще две группы подпольщиков. Первой, как оказалось, сочувствовал и помогал распространять по городу антифашистские листовки личный секретарь Михаила Никодимовича. Чуприн забил его плетью до смерти. Вторая группа пыталась взорвать городской драмтеатр на Болховской, открытый летом сорок второго года. В октябре того же года в театре намечался большой банкет по случаю годовщины «освобождения Орла от большевиков». И в нем должны были собраться представители немецкого командования города и члены городской управы во главе с бургомистром, – отличный случай покончить со всеми мерзавцами одним махом! Однако план подпольщиков осуществлен не был. Чуприн внедрил в их группу своего тайного агента, и тот за два дня до намеченного банкета всех выдал. Всю группу подпольщиков – всего двадцать шесть человек – после ужасных пыток расстреляли.

А еще Михаил Никодимович отправил в Орловский концлагерь, расположенный на территории Орловского централа на улице Красноармейской, своего личного врага Павла Афанасьевича Скобцева, который там и сгинул. Скобцев был тем самым бухгалтером Орловского отделения треста «Росглавхлеб», что вскрыл злоупотребления полномочиями Чуприна и написал на него заявление-донос.

Однажды, проходя по одному из трех городских главных рынков, что был расположен на левом берегу реки Оки, Чуприн обратил внимание на чернявого человека, продававшего почти новое женское демисезонное коверкотовое пальто с рукавами реглан. Хорошее, надо сказать, и весьма модное пальто. Около него стояла молодая женщина в шляпке и с накрашенными губами, которую сопровождал высокий немецкий офицер. Он, очевидно, являлся ухажером женщины и должен был расплатиться за пальто, если оно понравится его даме и покупка состоится. Михаил Никодимович сразу признал в чернявом человеке с модным женским пальто Николая Ермолаевича Коваленко, работника городского Совета депутатов трудящихся. Михаил Чуприн виделся с ним пару-тройку раз на совещаниях, когда сам Михаил Никодимович работал в должности старшего товароведа Орловского отделения треста «Росглавхлеб» и проворачивал свои незаконные коммерческие операции. Коваленко тогда возглавлял отдел промышленности и являлся ярким и непримиримым поборником социалистической законности в экономике. Недолго думая, Чуприн обратился к офицеру на плохом немецком:

– Господин офицер, меня зовут Михаил Чуприн. Я начальник Сыскного отделения городской полиции. Этот гражданин, что продает пальто, Николай Коваленко, большевик, бывший работник городского совета. Я вынужден его арестовать...

– Gut¹⁸, – коротко произнес офицер и, забрав из рук опешившего Коваленко пальто, передал его сопровождавшей его женщине. Та благодарно улыбнулась и накинула пальто на плечи.

– Ну что, пошли, морда большевистская, – упер в бок Коваленко свой «вальтер» Михаил Чуприн.

– Куда? – с дрожью в голосе спросил бывший начальник отдела промышленности городского исполнительного комитета.

– К нам, на Черкасскую, – недобро ухмыльнулся Михаил Никодимович и толкнул стволом пистолета задержанного в бок.

Дом на улице Черкасской под номером пятьдесят один, где находилось Сыскное отделение полиции, жители Орла обходили стороной, а верующие еще и осеняли себя крестным знаменем, шепча при этом старинное заклинание «чур меня, чур», могущее отвести от всякой беды и прочей напасти. Те, кто попадал в лапы Сыскного отделения полиции, домой к семьям уже не возвращались. С чьего-то острого языка Сыскное отделение Чуприна стало именоваться «Русским гестапо», поскольку методы сыскных агентов и полицейав из русских мало отличались от методов сотрудников немецкой политической полиции гестапо, а иногда и превосходили их по жестокости. Еще будучи старшим агентом розыскной группы полицейского управления города, когда один из рядовых гестаповцев замешкался и стал уклоняться от расстрела двух еврейских девочек, убийство за него совершил Чуприн. Причем совершенно без каких-либо эмоций, беззлобно, словно убивал не детей, а надоедливых мух. За что получил благодарность и небольшое денежное вознаграждение от криминал-комиссара СС обер-лейтенанта Коха.

Михаил Никодимович не единожды отдавал распоряжения на расстрел и несколько раз самолично забивал задержанных врагов рейха и его личных врагов до смерти. Так что его слова «К нам, на Черкасскую» прозвучали зловеще и означали ни много ни мало – конец всяких надежд и чаяний, да и скорее всего конец самой жизни...

– А может, мы с вами как-то договоримся? – с надеждой спросил бывший городской депутат. – У меня имеются кое-какие сбережения, а у моей супруги – драгоценности. И я

¹⁸ Хорошо (нем.).

готов добровольно и безвозмездно передать их вам в личное пользование. А вы меня за это отпустите, а? Ну не выдавайте меня! Ведь мы с вами почти что дружили! – едва не воскликнул в охватившем его отчаянии Николай Коваленко.

– Мы с тобой никогда не дружили и в приятелях не состояли, – отрезал Михаил Чуприн. – Это из-за тебя и таких, как ты, я лишился всего, что должен был иметь по праву рождения. И ты за это сполна мне ответишь. А деньги и драгоценности ты сам мне отдашь, никуда не денешься! – зловеще закончил свою речь Михаил Никодимович.

Через неделю бывшего работника городского совета Коваленко расстреляли вместе с двумя партизанами, пришедшими в город для установления связи с орловским подпольем.

Заслуги Чуприна перед Третьим рейхом были оценены по достоинству. Ему было назначено максимальное для служащих в «русском гестапо» жалование в сумме двести рейхсмарок, а первого апреля сорок третьего года на торжественном собрании сотрудников Сыскного отделения городской полиции Михаилу Никодимовичу был вручен орден «За храбрость» *«за плодотворную работу на пользу общественной безопасности и спокойствия»*.

К лету одна тысяча девятьсот сорок третьего года Сыскное отделение города Орла насчитывало уже около пятисот человек, полторы сотни из которых числились тайными агентами полиции. Вербовка агентуры шла полным ходом, причем каждый штатный агент отделения должен был завербовать определенное количество внештатных агентов и осведомителей, за что глава Сыскного отделения строго с них спрашивал. Сам Чуприн завербовал около двух десятков агентов, давших подписку о добровольной помощи городской полиции, и о наиболее важных из них не знал даже его заместитель, не говоря уж о прочих подчиненных. Один из таких тайных агентов, личность которого держалась в строгой тайне, и выдал большую группу подпольщиков, собиравшихся взорвать Орловский драматический театр во время празднования годовщины взятия города немецкими войсками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.